

Джон Голсуорси

Бересклет

Он стоял, как вкопанный, знаменитый художник Скудамор, чьи пейзажи и натюрморты имели шумный успех уже столько лет, что он успел забыть те дни, когда, написанные не совсем еще в «скудаморовской манере», они висели на выставках где-то под потолком, на самых невыгодных местах. Он стоял на том самом месте, где так внезапно оставила его двоюродная сестра. Губы его между очаровательными усиками и очаровательной остроконечной бородкой кривились в обиженной усмешке; пристально и с изумлением смотрел он на ягоды бересклета, упавшие на мощный дворик с ветки, которую она принесла ему показать. Почему она вскинула голову, как будто он ударил ее? Почему отвернулась так стремительно, что тускло-красные ягоды затрепетали, роняя дождевые капли, и четыре ягодки упали с ветки? А ведь он только и сказал:

— Прелесть! Надо бы пустить их в дело!

Она воскликнула: «Господи!» — и убежала. Нет, Алисия, право же, не в своем уме, просто не верится, что когда-то она была так обворожительна. Он нагнулся и подобрал с земли четыре ягоды — как красив этот тускло-красный оттенок!

Из-под надежной брони успеха и «скудаморовской манеры» вырвалось наружу непосредственное чувство, порыв эмоционального видения. Писать! Какой смысл? Как это выразишь? Он подошел к невысокой каменной ограде, защищавшей дворик его старинного, великолепно реставрированного дома от ранних паводков реки Эрон, серебрившейся под бледными лучами зимнего солнца. Да, именно! Как писать Природу, ее прозрачные полутени, загадочные сочетания ее тонов, как уловить ее ежечасно меняющийся облик? Как писать коричневые хохолки камыша вон там, в золотисто-сером свете, и этих белых неугомонных чаек, парящих в воздухе? Внезапное отвращение нахлынуло на него при мысли о собственной знаменитой «манере» — точно такое же отвращение прозвучало в голосе Алисии, когда она воскликнула: «Господи!» Красота? Что толку! Как ее выразишь? Не это ли подумала и она?

Он смотрел на четыре ягодки, рдевшие на сером камне ограды, и в памяти его медленно оживали воспоминания. Что это была за восхитительная девушка! Серо-зеленые глаза, сияющие из-под длинных ресниц; щеки, как лепестки розы; непослушные волосы, тонкие и темные — как сильно они с тех пор поседели! всегда немножко растрепанные. Пленительное существо, такое горячее, увлекающееся! Он так

хорошо помнит тот мартовский день, как будто это было лишь на прошлой неделе, они шли тогда со станции Эрондель по дороге в Берфем — день коротких ливней и солнечного света, когда природа готовилась к приходу настоящей весны! Ему было двадцать девять лет, ей — двадцать пять, оба были художники и оба безвестные. Как беззаботно они болтали! А когда руки их соприкасались, что за волнение пронизывало его и как заливались румянцем ее мокрые от дождя щеки! Потом понемногу они притихли. Это была чудесная прогулка, которая, казалось, должна кончиться еще чудеснее. Они прошли деревеньку, миновали меловой карьер, крутую лесенку и полевой тропинкой спустились к реке. Нежно, бесконечно нежно обвилась его рука вокруг ее талии; он все еще молчал, он ждал того мгновения, когда сердце вырвется из его груди, воплотившись в слова, и ее сердце — он в этом не сомневался — рванется навстречу. Тропинка побежала через заросли терновника, где у полноводной, мягко журчавшей речушки распустились одинокие первоцветы. Упали последние капли дождя, а потом, прорвав облака, выглянуло солнце, и небо над рощицей засияло прозрачной лазурью, будто глазок вероники. Вдруг Алисия остановилась:

— Смотри, Дик! Смотри же! Это божественно!

На фоне синего неба и пламенеющей тучки сверкал белыми звездами цветов высокий куст терновника. Казалось, он поет — так он был красив; он словно вобрал в себя всю прелесть весны. И при виде ее восхищенного личика вся его сдержанность исчезла, рука плотнее обхватила ее, и он поцеловал ее в губы. До сих пор помнит он, какое у нее стало лицо — как у внезапно разбуженного ребенка. Она задохнулась, замерла, потом отшатнулась от него, задрожала, судорожно глотнула, вдруг разразилась слезами и, выскользнув из его объятий, убежала. Он остался на месте недоумевающий, больно задетый и совершенно сбитый с толку. Потом он немного пришел в себя и целых полчаса искал и звал ее, пока наконец не нашел. С каменным лицом она сидела в сырой траве. Он не произнес ни слова, а она сказала только: «Пойдем, мы опоздаем на поезд!» И весь тот день, да и назавтра тоже — до тех пор, пока они не расстались, его мучило чувство, что он сразу упал в ее глазах — упал с огромной высоты. Ему это не нравилось, он был не на шутку зол. Бессмысленное жеманство, и больше ничего — так думал он о ее поступке и по сей день. Неужели... неужели это было что-то другое?

Он посмотрел на четыре красные ягоды и, будто они заворожили его память, снова увидел Алисию — пять лет спустя. Он к тому времени успел жениться и завоевать признание. Однажды